

*Философские науки***НЕТИПИЧНЫЙ ЭСКАПИЗМ
КАК ЛИЧНОСТНАЯ
ПРАКТИКА СУБЪЕКТА**

Козырева Л.В.

*СФ «Башкирский государственный университет»,
Пермь, e-mail: kozyreval111@yandex.ru*

При изучении отдельного социального явления сначала обращаешь внимание на явные, очевидные его проявления, но затем по мере накопления эмпирического материала, наряду с естественным теоретическим обобщением и классификацией, формируется потребность выявления и периферийных, неявных, скрытых, малозначачих проявлений феномена. Поэтому познавательный интерес исследователя логично перемещается на «мелочи», которые впоследствии неизбежно приобретают высокий статус для понимания различия общего и единичного. Возможно, что именно мелкие различия, в конце концов, оказывают наиболее значимое воздействие на субъекта, так как они в совокупности структурируют его жизненное пространство.

С другой стороны, эскапизм оказывается связанными воедино с множеством других аналогичных и сходных феноменов, которые маскируют его, видоизменяя структуру, свойства, качества и степень воздействия на субъекта. Наряду с явным эскапизмом, при котором субъект прямо отказывается от собственной активности в социальном взаимодействии и формирует для себя замкнутое пространство подлинности жизни, параллельно возникают и успешно развиваются модулы нетипичного эскапизма.

Опишем некоторые, интересные для нас, феномены. Так, изучая опыт проведения студенческих конференций в вузах, обращает на себя внимание, как деятельно руководство факультета отделяет себя от группы «эскапических» студентов. Руководство располагается в первых рядах, за ними наиболее послушные студенты, а на последних рядах те, которые, как они считают «загнанны» на это мероприятие, которое ими расценивается как пустое времяпрепровождение. При этом формируется уникальная театрализованная ситуация. Каждый занимается своим делом: передние ряды слушают (или делают вид, что слушают) докладчика, задние ряды, – и здесь следует отметить ограниченную пока изобретательность в дистанцировании от навязываемой им практики, главное условие – не мешать или мешать минимально первым рядам, – читают только им важные тексты, играют в игры на коммуникаторе, общаются в аске, или же полностью отключаются и дремлют, спрятав лицо в ладонях. И если контроль на таких мероприятиях мягкий, то с течением времени, когда внимание руководства ослабевает и мож-

но предложить квазиуважительную причину, то студенты с задних рядов начинают по одному, малыми группками покидать аудиторию сразу после завершения очередного доклада. И, в конце концов, в аудитории остаются только антиэскаписты, только те, которым действительно интересно и значимо само мероприятие и которые пришли, чтобы учиться и учить. Поэтому такой «отсев» стоит только приветствовать как важную практику выявления группы онтологически истинных субъектов.

Если количественно исследовать соотношение эскапистов и антиэскапистов, то обнаруживается, что соотношение тех и других сопоставимо: примерно половина слушателей покидают и половина остаются в аудитории. Разумеется, такой социальный отсев выступает естественной практикой: в спортивные, туристические и им подобные секции в школе принимается все желающие (или почти все) и потом естественно большая часть отсеется, большая часть не считает, что этот вид деятельности является для них «своим» видом деятельности.

Но если принять данный тезис как закономерность, то тогда в целом можно значительно раздвинуть границы эскапического дискурса: едва ли не в каждом действии субъект для себя усматривается возможность принятия или непринятия фактора, явления, процесса или как часть его жизненного мира или же, как часть не свойственного ему мира. С этих позиций очевидность эскапизма как мировоззренческого основания для субъекта становится логичным следствием сложного и нелинейного социального движения в целом.

Теперь конкретизируем скрытый эскапизм применительно к современным условиям. Установившийся моральный релятивизм вызвал перепрограммирование целого ряда значимых для прежнего традиционного общества этических регуляторов, индивид лишается устойчивых образцов нравственного и должного поведения. В странах, лишенных устойчивой системы ценностей и опирающихся на абстрактные, юридически определяемые «демократические ценности», возникает моральный вакуум, он действительно расширяет пространство свободы, которая неподготовленной личностью понимается как многодозволенность. Нравственные ценности не могут появляться сами по себе, их необходимо формулировать и воспитывать у субъекта, и если в обществе уничтожены устойчивые социальные регуляторы, закрепленные ранее в общественном сознании, то возникает необходимость конструирования микрокосмоса, в котором ценностный ряд вновь обретает бытийный устойчивый статус для единичной личности.

Социальная группа эскапистов в отечественной культуре наличествовала постоянно, отчуждение как целенаправленная практика весьма привлекательна для субъекта в виде способа оправданного и институализированного времяпрепровождения. Но массовый эскапист появляется в ситуации тотального отчуждения как следствие трансформации экономической, политической и социальной структуры общества. Переход на индивидуализированные формы жизнедеятельности вызывает значительные перемены в системе ценностных ориентаций и, следовательно, в системе мотиваций и установок субъекта. С одной стороны, становление типично рыночной экономической модели закономерно вызвало коммерциализацию многих областей жизни, что делает их малодоступным для массового субъекта. С другой стороны, конструируются множество пустых, симуляционных проектов, которые ориентированы на сознательное манипулирование субъектом. Сколько людей было втянуто в скрытые мошеннические кампании, которые обогатили немногих организаторов и вызвали необратимое обнищание многих клиентов-потребителей этих услуг.

И естественно со временем человек становится весьма осторожным в выборе способов организации собственной активности, следовательно, оправдано и появление абнегизма как целенаправленной ориентированности субъекта на контролируемую им самим онтологическую посредственность в действиях. Абнегизм не признает подлинной образованности, подлинного сподвижничества и познавательного энтузиазма, он предполагает минимальный уровень вовлеченности в действие и с равной вероятностью ориентирован на успех и на поражение в конечном результате. Субъект тем самым из-

начально отказывается от примитивизированной агональности в пользу умеренности и осторожности. Разумеется, с заявленных позиций следует ожидать и упрощение, опрощение, элиминацию подлинного, фундаментального научного знания, оно заменяется правдоподобными спекуляциями, способные оправдать всякий конечный исход действия субъекта.

Видимо, эпоха «человека в футляре», живущего для себя и в себе, человека, готового ради собственного благополучия на крайний конформизм, на соглашательство и на отказ от «Я» проявляется на микроуровнях социального взаимодействия. Постепенно устанавливается ситуация цинизма и лицемерия, утверждать благо и делать благо становятся различающими типами деятельности, тем самым область скрытого эскапического существования значительно расширяется. При этом происходит взаимопроникновение отдельных элементов множества рассогласованных личностей культур времяпрепровождения, последствия которого для единичного субъекта неоднозначны и не могут быть формализованы в некое рациональное знание. В целом разочарование личности в возможностях «разумной» жизни формирует эскапическую и абнегическую позицию, которая утверждает дихотомический выбор ситуации по императиву: «это все уже не моё». Позиция «футлярного» человека рассматривается нами как позиция дестигматизированной социальности, презентуемой в имидже пустой формы, и при этом выступающей источником особой радости для субъекта, поэтому исследование периферических областей эскапического дискурса следует считать весьма перспективными и значимыми на различных уровнях взаимодействия для целей социального регулирования и перспективного прогнозирования.

Экономические науки

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ

Афонасова М.А.

*Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники, Томск,
e-mail: afonasova@yandex.ru*

Конкурентоспособность экономических систем в современных условиях в значительной степени зависит от их способности осваивать и внедрять передовые технологии, технику, а также управленческие и другие инновации. Инновации в широком смысле предполагают процесс непрерывного экспериментального обучения, продуктом которого являются новые, использованные на практике, знания. Внедрение инно-

ваций в практику приводит к появлению новых макроструктур, представляющих собой кластеры принципиально новых комбинаций, обеспечивающих фазу очередного экономического подъема, величину и темпы прироста валового национального продукта в определенный период времени [1].

Анализ успешного опыта зарубежных фирм показывает, что источником развития российских предприятий, реализации их промышленного, интеллектуального и инновационного потенциала может стать широкое освоение и внедрение новых бизнес-моделей. Бизнес-модель состоит из разнообразных компонентов бизнеса, которые включают и предпринимательскую стратегию, и экономику, финансы, операции, маркетинг и т.п. Инновационная бизнес-модель – это способ соединения различных факторов бизнеса (капитал, труд, материальные